Ж.В. Бурцева (Якутск)

# ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО СЕВЕРНОГО ТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРЕ ЯКУТИИ: СТРУКТУРА И КУЛЬТУРНЫЙ КОД

**Аннотация.** Данная статья предлагает для введения в научный оборот понятие *«Северный текст литературы Якутии»* в дополнение существующей классификации локальных текстов. На основе понимания культуры или местности как текста, процесса беспрерывного взаимодействия творческого воображения и природного ландшафта характеризуются типологические признаки, выявляются составляющие и доказываются критерии выделения локального Северного текста, семантическим ядром которого является литература малочисленных народов Севера Якутии (юкагирская, эвенская, эвенкийская, долганская), а также та часть произведений якутских и иных авторов, в которых отражена ценностная сущность образа Севера как географического места. Подчеркивается уникальность данного текста, поскольку он формируется вокруг реального локуса и самодостаточного *культурного мифа о Крайнем Севере* в различных контекстах, который рассматривается нами как интерпретирующий культурный код, ядро сверхтекста и внехудожественная реальность Северного текста. Предлагается алгоритм анализа данного локального текста с учетом его геокультурной специфики. Выявляется и описывается система внутри- и внетекстовых связей данного локального текста как сверхтекста, общие признаки, определяющие единство смысла и средств его выражения (семантические и семиотические константы, основные знаки-символы и локальные мифы территории, вычленяется литературный миф о северных кочевниках, лежащий в основе этноцентрической модели мира, ключевые мотивы и образы, особенности макро- и микропоэтики повествовательных и пространственных структур, особенности выражения авторского «я»); дается общее представление о концептосфере Северного текста как знаковой системе и приводятся выводы о концептуальной картине мира на тематическом, сюжетно-композиционном, мотивно-образном уровнях текста как совокупности пространственных и ментальных представлений о Крайнем Севере.

**Ключевые слова:** локальный текст; Северный текст литературы Якутии; литература малочисленных народов Севера Якутии; Крайний Север; структура; культурный код.

Zh.V. Burtseva (Yakutsk)

# The Formation of the Local Northern Text in the Literature of Yakutia: Its Structure and Cultural Code

**Abstract**. This article proposes to introduce the concept of *"Northern text of the literature of Yakutia"* into scientific circulation in addition to the existing classification of local texts. Based on the understanding of culture or locality as a text, the process of

continuous interaction of creative imagination and the natural landscape, typological features are characterized, the components are identified and the criteria for highlighting the local Northern text are identified, the semantic core of which being the literature of the indigenous peoples of the North of Yakutia (Yukagir, Even, Evenki, Dolgan), as well as that part of the works of Yakut and other authors, which reflects the value essence of the image of the North as a geographical place. The uniqueness of this text is emphasized, since it is formed around a real locus and a self-sufficient cultural myth of the Far North in various contexts, which we consider as an interpreting cultural code, the core of overtext and the non-artistic reality of the Northern text. The author suggests an algorithm for analyzing this local text by taking into account its geocultural specificity. The system of intra-and extra-textual links of this local text as a overtext is revealed and described, common features that determine the unity of meaning and means of its expression (semantic and semiotic invariants, basic symbol signs and local myths of the territory, the literary myth of the northern nomads that underlies ethnocentric models of the world, key motifs and images, features of macro- and micro-poetics of narrative and spatial structures, features of the expression of the author's "I"); the general picture is given about the conceptual sphere of the Northern text as a sign system and conclusions are drawn about the conceptual picture of the world at the thematic, plot-compositional, motif-shaped levels of the text as a combination of spatial and mental representations of the Far North.

**Key words**: local text; Northern text of the literature of Yakutia; literature of indigenous peoples of the North of Yakutia; the Far North; structure; cultural code.

*Актуальность исследования* характеризуется новым подходом к изучению литературы Якутии как локального текста со своими культурными кодами, знаками-символами, образами, архетипами, мотивами, что, по нашему мнению, наиболее объемно и системно показывает уникальность «северности» культурного и природного ландшафтов региона. Республика Саха (Якутия) относится к геостратегическим территориям Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации, последняя из которых занимает более 50% территории республики и представлена 13 муниципальными районами. Как известно, весь регион Якутии находится в зоне вечной мерзлоты, отрицательных среднегодовых температур, где зимнее время года является преобладающим. Более того, из 34 муниципальных районов выделяются национальные, такие как Анабарский долгано-эвенкийский, Жиганский эвенкийский, Оленёкский эвенкийский и Эвено-Бытантайский.

На основе территориальной и этнокультурной специфики литературы малочисленных народов Севера Якутии (юкагирской, эвенской, эвенкийской, долганской), наиболее ярко отражающей картину мира северного человека, а именно на материале самых характерных произведений – 12 крупных романов, 14 повестей, более 20 сборников рассказов и стихов, 2 путевых очерков (роман «Жизнь Имтеургина младшего» (1935) Тэки Одулока; романы «Ханидо и Халерха» (1969), «Новые люди» (1975) С.Н. Курилова; романы «Берег судьбы» (1988), «Золотой олень» (1990), «Коче-

вье длиною в жизнь» (2000), «Снежные утесы» (2008), «Оленные люди» (2013), «Под сенью Полярной звезды» (2014), «Жизнь моя, я бы снова выбрал тебя!» (2015), «Голец Тонмэй» (2019) А. Кривошапкина; роман «Дух земли» (1987) П. Ламутского; повести «Олени моего детства» (1985), «Уйамкане идут на Север» (1986), «Белая дорога» (1986), «Мир эвена» (2000), «Священный олень» (2008) А. Кривошапкина; повести «Человек – земли соринка» (1988), повесть-сказка «Умусликэн и его друзья» (1988), «Когда в причудливый узор сплетаются слова» (1989), «Имеющая свое имя Джелтула-река» (1989), «Рэкет по-тунгусски» (1990), «Маленькая Америка» (1991), «Мой папа – Санта Клаус» (2010) Г. Кэптукэ; повесть «Мое детство» (1982) Н. Тарабукина; сборники рассказов «Увидимся в тундре» (1961), «Ангелы снежных гор» (2010) А. Кривошапкина; сборники рассказов «Булчут» (1991), «Бултамни» (1993) Н. Калитина; сборники стихов и поэм «Юкагирские костры» (1965), «Пока дремлют олени» (1973), «Растопленные снега» (1975), «Милая Лабунмэдэну» (1992), «Весть из тундры» (2006), «Монолог аборигена Арктики» (2011) Г.Н. Курилова –Улуро Адо; сборники стихов «Земля предков» (1995), «Песни Севера» (1995), «Я – Севера сын» (2016) А. Кривошапкина; сборники стихов «Таежные метки» (1978), «Слушай, моя тайга» (1982), «Сны в инее» (1985) Н. Калитина; антология долганской поэзии «Душой и сердцем родной Анабар» (2020); путевые очерки «На Крайнем Севере» (1933) Т. Одулока, «Хай!» (1997) Н. Курилова), отчетливо прослеживается объединяющий текстообразующий образ Крайнего Севера (Арктики), служащий семантическим ядром данных текстов и формирующийся в культурогенное мифопоэтическое понятие.

*Критериями формирования Северного текста литературы Якутии* как особой знаково-символической структуры мы обозначаем следующие факторы: 1) наличие круга текстов в объеме культуры как целого, семантически и функционально связанных с Крайним Севером (Арктикой), отражающих и создающих свою семиотическую систему, а также этноцентрическую картину мира коренных малочисленных народов Севера Якутии, исторически сложившуюся под влиянием экстремальных природно-климатических условий; 2) неповторимость географических природных параметров Крайнего Севера Якутии, формирования и развития ментальных, пространственных представлений о нем в диахронии и синхронии; как следствие – их переход в метафизические и онтологические категории; 3) общность культурного интерпретирующего кода в структуре художественных текстов северной литературы Якутии, выраженного в наборе образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании, проявившегося в особенностях поэтики и проблематики; 4) исторические этапы и законы формирования своеобразного художественного языка, описывающего культуру и жизнь коренных малочисленных народов Севера Якутии с разных сторон; осмысление собственной этнической истории и традиционной культуры; 5) транслирование освоения территории Крайнего Севера в различных контекстах и временных срезах, а также процесса

образования знаковой выраженности пространства Крайнего Севера, его изменения, эволюции и развития во времени.

Все названные признаки позволяют утверждать наличие высокого текстового статуса литературы малочисленных народов Севера Якутии как культурно-системного единства автономных текстов, наиболее ярко отражающих Север как образно-географический феномен и его воздействие на менталитет и образ жизни северного человека.

Блестящие идеи рассмотрения городских текстов как синтетических текстов-конструктов восходят к локально-историческому методу Н.П. Анциферова, текстуальной революции тартуско-московской семиотической школы В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, как следствие – рождение целого направления поиска новых локальных текстов в трудах В.В. Абашева, А.П. Люсого, Н.Е. Меднис, А.Г. Лошакова, Е.Ш. Галимовой и других. Согласно исследованиям, локальный текст формируется как вокруг крупных и провинциальных городов, так и вокруг регионов, а также транскультурных локусов, он может рассматриваться как текст культуры и текст литературы, причем «роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру» [Абрамовская 2010, 220]. Понятие «локального текста» прежде всего связывается с конкретным пространством, имеющим географические координаты в реальности, и наша цель заключается в выявлении уникального культурного кода и идентификации его места в литературном творчестве.

В.Н. Топоров обосновывает, что только «через мир вещей и через человека пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных целому смыслов» [Топоров 1983, 242]. По Ю.М. Лотману, культура в целом представляет собой «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов» [Лотман 2001, 72]. А.П. Люсый подтверждает, что «культура в пространстве и времени мыслит “текстами”»: сгустками «образов, мотивов, идеологических установок» [Люсый 2013, 12]. В результате «символическая структура места сливается с природной до неразличимости, выступая как некая изначальная данность» [Абашев 2000, 25]. Культурный ландшафт осмысляется как знаковая система, когда «место» воздействует на его обитателя преимущественно благодаря знакам-символам этой территории. Репрезентативность территории в региональной литературе появляется не потому, что существует привязанность к ней, а потому, что есть «глубинная связь географического образа с мироощущением человека, его психологическими, мировоззренческими, поведенческими реакциями» [Абдуллина 2016, 5].

В.И. Тюпа, описавший локальные образы «сибирского ландшафта» и охарактеризовавший комплекс сибирских мифологем в русской литературе, доказывает, что «к XIX столетию Сибирь была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в

качестве некоторого концепта», более того, сложилась в целый «хронотопический образ некоторого способа присутствия человека в мире» [Тюпа 2002, 27]. Страницы истории освоения Арктической Якутии также уходят в глубь веков, природный ландшафт постепенно превращался в культурный в глазах первопроходцев, русских и западных путешественников, писателей и ученых, ссыльных и местных жителей. Понятие «Крайний Север» – это картина мира, целое мироощущение, и, вслед за В.И. Тюпой, его можно рассматривать как «базовую или коренную мифологему», распознавая «единую мифотектонику всего палимпсестного ряда произведений независимо от индивидуальных писательских сознаний» [Тюпа 2011, 122].

В целом проблемы изучения сложных структур «сибирского» и «северного» текстов в составе русской литературы представляют собой одну из самых увлекательных областей современной гуманитарной науки. По словам Е.Ш. Галимовой, восприятие Русского Севера как мифопоэтического пространства раскрывает в «запечатлённом» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [Галимова 2017, 9]. Таким образом, исследование взаимодействия окружающего мира и человека в художественном тексте приводит нас к осмыслению пространства как такового в качестве универсальной текстовой категории.

Для системного представления мы реконструировали составляющие данного локального текста и выявили общие признаки, проявляющиеся в единой модели мира и мифотектонике, то есть культурном коде, присутствующем в сознании большинства носителей культуры и в определенной степени проявляющемся в текстах, несмотря на то что они созданы различными авторами. Общность интерпретирующего кода, связывающего Северный текст литературы Якутии, мы усматриваем в реализации уникального *локального мифа о Крайнем Севере* в разнообразии и многообразии индивидуально-авторских представлений, который проявляется в следующих основных направлениях.

1. ***Персонификация образа Арктики (Крайнего Севера) как семантическая доминанта.***

Природный топос является определяющим в художественной картине мира авторов-северян, так как в самих образах и формах природного мира воплощается авторское мировосприятие, его натурфилософия. Центральный образ Севера понимается не просто как художественный образ, но в большей степени как картина мира, система символов и материальных, духовных и эстетических ценностей. В этом выражается особенный способ мифологического антропоморфного постижения живого природного мира, который тождественен самому процессу мифотворчества.

Эмоциональное и интеллектуальное наполнение образа Севера как «земли предков и сородичей», от которой полностью зависит сын Арктики, превращает Север в онтологический эстетический образ, наделенный новыми художественно-эстетическими и когнитивными функциями. В литературах народов Севера выявляется парадоксальная поэтика, в которой

смещаются ценностные понятия периферии и центра, и универсальной космологической моделью становится: «Край земли», «край света», «глухая окраина Земли», «северная кромка Земли», «дальняя Арктика», «дальний край», «оленная земля», «дикий таежный край», «кромка замерзшего моря», «полюс холода», «студеная даль» = Центр мироздания и Центр Вселенной, основа пространственных координат художественного мира и культурной памяти северных авторов. Через данную пространственную систему происходит познание героями мира и самопознание: *«Северянин издревле привычен / почитать свой край за самый лучший, / Север – это тот же северянин»* [Кривошапкин 2016, 95]*, «И если нашим Севером проверен, / он не согнется у любой черты»* [Кривошапкин 2016, 30]*, «Здесь хилый никогда не выживет, / а малодушный с Севера сбежит», «Все берут у Севера начало, словно дети у отца»* [Кривошапкин 2016, 47].

В текстах часто можно встретить олицетворения-обращения к природным образам как символам места, которые имеют архетипическое значение, отсылку к мифологическим сюжетам и легендам старинных северных народов. Северная земля представляется не просто описанием ее уникальной природы, а как действующий персонаж, мыслящее живое существо: «*Земля все слышит. Деревья, тальники, камни, реки, леса и горы – дети земли»* [Кривошапкин 2013, 53].

Так, мотив спасительной горы наглядно прослеживается на примере стихотворения А. Кривошапкина «Раздумья у Джугджура» (в переводе с эвенского – «высокая безлесная гора»), лирический герой обращается к спасительной горе, которая, по эвенским сказаниям, обледенела и тем самым преградила путь воинственным конно-оленным людям, которые грабили эвенов. Герой обращается к ветрам легендарной горы, взывая о том, что земля предков стала страдающей, а эвенский род – исчезающим: *«И хлынуло племя иное / На блеск золотого тельца. / Забыли леса о покое, / Забилось зверье от свинца… / Седая тайга застонала / От ран, нанесенных сплеча. / И нету теперь на Джугджуре / Эвенков, тянувших свой след»* [Кривошапкин 2016, 34].

Мотив реки жизни, выражающий глубинные духовные связи человека с родным пространством, ярко раскрывается в творчестве Г.Н. Курилова – Улуро Адо. Персонифицированный образ родной реки в стихотворении «Милая Лабунмэдэну» (юкагирское название реки Большая Чукочья), воспринимается в качестве топоса, формирующего судьбу юкагира и целого народа: *«Без тебя для юкагира / нет, как нет, земли и неба, / нет всего большого мира!»* [Улуро Адо 1992, 7]. Архетипический смысл восприятия реки кроется в сказании о богатыре, великом охотнике, вожаке кочевья Эдилвее, родоначальнике юкагирского рода, который родился и жил на реке Лабунмэдэну.

2. ***Пространственная структура Северного текста литературы Якутии***.

а) реальные географические места и природные ландшафты, основными из которых являются топосы тундры-авлан и вечной тайги как элемен-

тов этнической картины мира. Что такое тундра или тайга для северного кочевника? Существует некая непереводимость данных понятий, в восприятии которых заложена, прежде всего, идея простора и безграничности.

Поэтика простора, выраженная в образах тундры и тайги, рассматривается через такие семантические и эстетические параметры, как восприятие открытого пространства по горизонтали: ширь, даль, безграничность, просторность формы пространства и сопряженное с этим душевное состояние, возможность свободного движения «в любую сторону», кочевье, путь, свобода и воля, родина, дом. Визуальные характеристики простора: «краю нет равнинам», «помчаться тундрою вдогонку», «люди как долины – широки, щедры, открыты», «мои любимые просторы, без них не проживу и дня», «на простор летят мечты», «мир безбрежный», «бескрайние дали», «на просторах студеных», «безбрежное белое море», «на снегу равнинном», «на белую простынь равнин снеговых», «лететь по тундре белой», «тайга без конца, без края», «зеленая даль», «тайга открыта, вход без стука», «даль тайги, что сердцу дорога», «подо мною – долин раздолье, в дымке тающей голубой».

б) специфический хронотоп заключается в восприятии ландшафтных форм пространства в динамике как хронотоп кочевья-аргиш, дороги, пути, путешествия. Отличительная особенность заключается в описании внутреннего пространства Крайнего Севера как с точки зрения автохтонного сознания самого автора – носителя локальных мифов, так и с позиции взгляда первооткрывателя-путешественника, наполненного жаждой познания новых мест, в картографировании тех объектов, которые формируют топологический образ территории. Хронотоп дороги зачастую играет организующую роль, кочевье как модель мира напрямую или подспудно служит и темой, и сюжетом, и композицией, и мотивом и даже целью повествования.

в) образы метафизического пространства как философские категории (топос края земли, полюс холода, вечная мерзлота, студеный берег, арктические широты, беспрерывный аргиш, тундровое детство, граница земли, ойкуменное чудо и другие).

г) пространство «кочующего» дома: тордох, илуму, чорама дю. Образ дома отходит от традиционной символики дома как замкнутого локуса, крепости или укрытия. Образы юкагирского «кочующего тордоха», эвенского илуму, эвенкийского чума олицетворяют отчий дом, имеющий подвижные динамические границы, так как внешнее пространство тундры (тайги) и внутреннее пространство дома представляются едиными, неразрывными.

3. ***Миф о северных кочевниках, лежащий в основе этноцентрической модели мира***.

В якутской культуре повседневности Север имеет общее лингвокультурное понятие «хоту», а жители северных территорий обозначаются как «хотуларбыт» (северяне). Если говорить о ландшафтном когнитивном вос-

приятии пространства, то якутам (сахаларга) присуще «аласное» мышление, в котором берет истоки национальное самосознание, потому что в родном аласе якут (саха) строит дом, все дороги начинаются и ведут в это единственное защищенное место на земле. Образ родины («дойду») неразрывно связан с обобщенным пространством аласа, которое включает в себя такие понятия, как «место рождения», «родной улус», «родная природа», «колыбель народа саха», «дом отца», «село», «деревня», «сенокос», «балаган». *«Когда мне говорят: "Россия…" – / Я вспоминаю свой родной алас / И старую ветвистую березу…»* [Ефимов 2009, 287].

Как повествуют якутские легенды, прародители народа саха Омогой и Элляй прибыли в прекрасную долину Туймаада из плодородных цветущих степей, стали родоначальниками большого и богатого скотоводческого народа. Алас как уникальное явление ландшафта Центральной Якутии, возникшие посреди тайги впоследствии таяния ледников и имеющее озеро, якутские скотоводы приспособили для расположения сайылыков – летников – и кыстыков – зимников, а также сенокосных и пастбищных угодий.

Якуты из фольклорного самоназвания именуются как «ураангхай-сахалар» – «жители северных просторов», что восходит к проблеме этногенеза и этнической истории якутов. Также в исторической литературе встречается выражение «якутцкие конные скотные люди», что существенно и отличает якутскую коневодческую культуру от северной. У северян (хотуларга) совершенно другое представление о пространстве, которое не имеет никаких границ, бескрайнее и беспредельное, в котором дом – это то место, где пасется олень. Аксиологический концепт «оленные люди» выражает зависимость северного человека от «орана» (оленя), их единство в культурной системе «человек – природа». Дорога оленя – это дорога человека-кочевника, так как все жизненное пространство северян организуется в едином ритме с жизнью оленей.

Мы выделяем обобщающий и структурирующий *сюжет о северных кочевниках*, имеющий свойство авторского мифа, в каждом конкретном случае соотносимый с метафорой самоназвания и саморепрезентации северных народов. В эвенской литературе – это миф о ламутах («спускающихся с гор»), в эвенкийской литературе – миф о тунгусах («идущих поперек хребтов»), в юкагирской литературе – миф об одулах («могучих людях мерзлоты»), в якутской литературе – миф о древних племенах «ураангхай-сахалаар» («жителей северных просторов»). Как видно, в каждом из этнонимов заложены пространственные константы и идея пути, что является ключом к пониманию культурного кода северной цивилизации. Сюжет о северных кочевниках не просто передает архетипические образы-символы и является собственно мифом в его фольклорном понимании, но в большей степени художественно моделируется в авторский миф (продукт индивидуального рефлективного сознания автора и архаического коллективного мифа).

Под «мифом о северных кочевниках» мы понимаем изображение в художественных текстах кочевой культуры «оленных людей», объяснение

бытия кочевника, его культурной идентичности, аутентичных традиций, этнофилософской картины мира, системы взаимоотношений с природой и людьми. Данный миф имеет синтагматический и парадигматический аспекты, другими словами – повествовательный и семантический. Он организуется посредством следующих сюжетно-мотивных элементов:

а) архетипический сюжет кочевья-аргиш, получающий значение поиска смысла жизни. Особенности номадического способа бытия выступают как основания ценностной системы этноса. *«Кочевье вбирает в себя все лучшее из жизни. Оно воспитывает целые поколения северян. Кочевье – это особый мир, по сути неповторимая, а для многих неизвестная цивилизация»* [Кривошапкин 2013, 325].

Слово «жить» в произведениях часто заменяется словами «идти», «шагать», «двигаться», «я прошагал столько-то лет» или «откочевал в верхний мир». Юкагиры-одулы, обращаясь к своему роду взывают: «Нявалданне! Племена юкагиров в кочевниках были всегда, мы со старого озера к новому озеру шли» [Улуро Адо 2006, 5]. В долганской культуре рисунок национального танца «хэйро» как мифопоэтический стержень перекликается с ритмом кочевья по тундре. Эвенкийские поговорки констатируют: «Эвенк – это человек шагающий, всю землю обойдет в своих странствиях», «Голова должна думать, а ноги ходить» [Кэптукэ 1984, 75]. Так, в творчестве Галины Кэптукэ основной смысл архаического сюжета кочевья прочитывается в философской категории времени в образе «Нити жизни», которая «соединяет все живое на земле незримыми, глубинными, тайными нитями родства» [Кэптукэ 1990, 32]. Мы находим ответ, что не только жизненная необходимость, оленеводческий и охотничий промыслы заставляют северянина совершать путь, но и сама идея движения, передающая единственную форму бытия из поколения в поколение.

Эвены же про себя говорят, что «истинный ламут тот, кто вечно кочует по таежным тропам и снежным перевалам и черпает силы у седых гольцов» [Кривошапкин 2019, 3]. В романе «Кочевье длиною в жизнь» мы видим, что антропоморфное мироотношение у северянина формируется с детства, когда по обычаю маленького мальчика берут с собой в кочевье, и он учится выживать в любых ситуациях. Женщина-кочевница должна научить сына ставить «илуму» посреди льдов и заснеженной тундры. *«А мама принялась ставить палатку. Деревянной лопаткой-эрун выгребла снег. Я топчусь возле нее, хочу помочь»* [Кривошапкин 2000, 9].

б) кочевник как вечно движущийся персонаж, «природный» человек, «сын Арктики». Герой равно как подчинен силам природы, так и способен их покорять и преодолевать. При этом Север выступает как драматическое пространство-антагонист, с которым сталкивается человек, оно всегда противопоставлено цивилизации, кочевье – оседлости, а северяне (орочане) – горожанам.

в) ключевые мотивы (мотив движения как способ бытия; мотив исторический памяти как ощущение присутствия прошлого в настоящем, живое воплощение связи времен и поколений; мотив рубежа, границы и предела

человеческих и сверхчеловеческих возможностей в процессе выживания; мотив борьбы за жизнь).

г) система бинарных оппозиций «свой / чужой», которые структурируют и определяют другие оппозиции: добро и зло, жизнь (кочевье) и смерть (оседлый образ жизни), оленные люди («сородичи», «сыны Севера») и иные племена («хлынувшие алчные племена», «дети порока»), свобода и рабство, природа и цивилизация, миф и реальность.

д) формирование качественно нового типа художественного повествования, пространственно-временного континуума, принципов и способов создания образной системы. Миф о северных кочевниках имеет мифологическую память, иерархическую структуру смыслов (художественные формы, символы, образы, идеи, мотивы, сюжеты, специфика мировосприятия, модели поведения, факты конкретно-исторического содержания) и приобретает новые смысловые слои, выстраиваемые вокруг ядра.

4. ***Фольклорный интертекст: авторские жанровые формы.***

Исследование фольклорного интертекста представляет собой отдельную литературоведческую проблему, и на примере литературы народов Севера отчетливо видно, что фольклорные элементы синтезируются в единое художественное целое на речевом, жанровом, сюжетном, мотивном, символическом уровнях текста. Приведем наиболее характерные из них:

а) «улгурная» составляющая у Г. Кэптукэ (одного из самых распространенных жанров эвенкийского фольклора, который обозначается как «рассказ о случае, сохранившемся в памяти живущих», «рассказ, повествующий о реальных событиях, происшедших и в прошлом, и в настоящем») представляет собой особый вид авторской рецепции.

б) сознательное обращение к мифу или древней легенде как сюжетной основе у Т. Одулока, С. Курилова, А. Кривошапкина и многих других. Заглавия и имена героев произведений также определяют выбор сюжетов и мотивов, генетически связанных с фольклором: «Ханидо и Халерха», «Дух земли», «Имеющая свое имя Джелтула-река», «Кочевье длиною в жизнь», «Голец Тонмэй», «Уямканы идут на Север» и другие.

в) обращение авторов к мотивам и сюжетам эпических сказаний, национального фольклора, национальной истории, автобиографическим формам способствует жанровому синкретизму (соединение в художественной структуре документального и фольклорно-мифологического, очеркового и автобиографического, этнографического и эпического), появлению авторских жанровых обозначений «роман-автобиография», «этнографическая повесть», «этнографическая поэма», «эвенкийская повесть-сказка», «документальная повесть о герое-оленеводе»; «роман-эссе», «юкагирское сказание “Идилвей”»; эвенские песни в стихотворной форме – «икэны», «Оран-икэн» (песня оленя), «Окат икэн» (песня реки), «Уямкан икэн» (песня горного барана), «Хиги икэн гоникэн» (песни тайги) и другие.

г) псевдонимы как элементы лингвокультуры представляют собой результат самоименования автора, что вызвано экстралингвистическими факторами, такими как место рождения, родословная, идентификация ав-

тора. Так, псевдоним Гаврила Николаевича Курилова – Улуро Адо – переводится как «сын великого озера Улуро», псевдоним Варламовой Галины Ивановны – Кэптукэ – происходит из названия одного из эвенкийских родов, кочевавших по реке Джелтуле и переводится как «выслеживание зверя», псевдоним Василия Спиридоновича Кейметинова – Баргачан – происходит из названия древнего эвенского рода «Баргуттай», означающего в переводе «отвечать» или «откликаться», творческий псевдоним Николая Ивановича Спиридонова – Тэки Одулока – переводится с юкагирского как «маленький юкагир», псевдоним Марии Прокопьевны Федотовой – Нулгынэт – по-эвенски звучит как «рождённая во время кочёвки».

д) отличительной особенностью поэтики авторов-северян является изобилие различных по происхождению топонимов, маркирующих метатекстуальную составляющую текста. Так, целый пласт метагеографической и мифопоэтической информации связан с легендами аборигенов реки Колыма – «страны ламутов и одулов», а также колымской каторжной неволей 1930-х – начала 1950-х гг., когда холодная северная река стала гиблым местом для заключенных («Освенцимом без печей», «родиной страха»).

5. ***Биографический текст и биографический миф***.

Тексты северных авторов чаще всего «историчны и биографичны», в них всегда присутствует дискурсивный исторический и автобиографический контекст, описание насильственных изменений исконной среды обитания и травматического опыта, тяжелейшего быта, холода, голода, болезней, изнурительного труда. Творчество большинства авторов можно рассматривать как единый автобиографический метатекст, причем в произведениях авторская биография часто служит в качестве сюжета. Рассматривая формы выражения авторского «я», можно сказать, что рассказчик в большинстве произведений представлен одновременно как автобиографический герой и лирический герой, субъект лирических переживаний и субъект повествования, когда «Я-повествующий» и «Я-персонаж» сливаются в роль нарратора (мифотворца), выполняющего функцию самопознания и самопрезентации.

6. ***Концептосфера Северного текста литературы Якутии***.

Данное явление представляет собой систему, в которой структурообразующим и базовым является *концепт «Крайний Север»*, реконструируемый в знаки-символы данной территории в их обобщенной целостности, включая *ландшафтные формы* (тундра, тайга, реки, горы, озера, скалы, замерзшее море и др.), *природные образы* (снег, зима, мороз, холод, пурга, ветер, лед, солнце, полярная белая ночь, звезды, северное сияние, северная весна, северное лето и др.), *образы-мифологемы животных* (олень, медведь-абага, снежный баран-уямкан, волк), *ментальные этнокультурные образы* (кочевье как базовая категория национального самосознания, кочевник, охота, охотник, северянин-орочанин, стойбище, сородич, предки, тордох, илуму, иное племя, род, нарты и др.), *эмоциональные и философские образы* (свобода, простор, путь, движение, память, время, дом, борьба, смерть, боль, голод, красота и др.).

Таким образом, нами предложена модель анализа по направлениям, результаты которой классифицируют «Северный текст Якутии» как типологический вариант локальных текстов: 1) выявление системы внутри- и внетекстовых связей в общем текстовом пространстве, определяющих важные смысловые точки и внешние границы Крайнего Севера Якутии как территории со своей идентичностью и знаковостью; 2) выявление исторических этапов и эволюции формирования «корпуса текстов» о Крайнем Севере Якутии, развитие его вербальных характеристик и образов в историческом и современном сознании, смены моделей освоения, периодизация; 3) анализ форм текстуальной и символической репрезентации освоения Крайнего Севера; 4) рассмотрение общих и индивидуальных особенностей поэтики и проблематики северной литературы Якутии как культурной традиции, в пределах которой осуществляется интерпретация художественных текстов и создается вертикальный контекст, единство смысла (метасмысла) и средств (метасредств) его выражения; 5) объяснение того, каким образом фактор места влияет на творчество авторов и их сознание, благодаря знакам-символам, образам, локальным мифам территории; 6) выявление общности и различия в моделировании мира и мифотектонике, то есть культурном коде, присутствующим в сознании носителей и представителей другой культуры, отобразившихся в текстах; 7) рассмотрение составляющих локального текста, реализующих общие культурные смыслы: концептосфера, ключевые мотивы и образы как сумма основных семантических характеристик, особенности макро- и микропоэтики повествовательных и поэтических структур, хронотопической модели Крайнего Севера как мифологического пространства и внетекстовой реалии.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2000.

2. Абдуллина Л.И. Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей / отв. ред. А.И. Куляпин. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2016. С. 5–15.

3. Абрамовская И.С. Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале новгородского текста) // Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Выпуск 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы международной научно-практической конференции. Великий Новгород: типография «Виконт», 2010. С. 218–224.

4. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г Лошаков. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. С. 9–26.

5. Ефимов М. Когда мне говорят: «Россия!» // Из века век. Поэзия народов

кириллической азбуки. М.: Пранат, 2009. С. 286–287.

6. Кривошапкин А.В. Голец Тонмэй. М.: Вече, 2019.

7. Кривошапкин А.В. Оленные люди. Якутск: Бичик, 2013.

8. Кривошапкин А.В. Кочевье длиною в жизнь. Якутск: Бичик, 2000.

9. Кривошапкин А.В. Я – Севера сын. М.: У Никитских ворот, 2016.

10. Курилов Г.Н. – Улуро Адо. Весть из тундры. Якутск: Бичик, 2006.

11. Курилов Г.Н. – Улуро Адо. Милая Лабунмэдэну. Якутск: Якутское книжное издательство, 1992.

12. Кэптукэ Г. Когда в причудливый узор сплетаются слова // Полярная звезда. 1984. № 4. С. 74–80.

13. Кэптукэ Г. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. С. 14–45.

14. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2001.

15. Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Вече; Русский импульс, 2013.

16. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

17. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

18. Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 122–137.

## REFERENCES
### (Articles from Scientific Journals)

1. Tyupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The Mythologeme of Siberia: on the Issue of the “Siberian Text” in Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2002, no. 1, pp. 27–35. (In Russian).

2. Tyupa V.I. Mifopoetika sopryazheniya khudozhnika i zhizni [The Mythopoetics of the Conjugation of the Artist and Life]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2011, no. 3 (18), pp. 122–137. (In Russian).

### (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Abdullina L.I. Tvorcheskaya masterskaya: individual’nyy pocherk i territorial’noye samosoznaniye [A Creative Workshop: An Individual Handwriting and Territorial Identity]. *Kulyapin A.I. (ed.). Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya: sbornik nauchnykh statey* [The Geopoetics of Writers of Siberia and Altai: Collection of Scientific Articles]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2016, pp. 5–15. (In Russian).

4. Abramovskaya I.S. Problema “lokal’nogo teksta” v russkoy literature XIX veka (na materiale novgorodskogo teksta) [The Problem of “Local Text” in the Russian Literature of the 19th Century (Based on the Novgorod Text)]. *Zapiski Filiala RGGU v g. Velikiy Novgorod. Vypusk 8. Istoriko-kul’turnyy i ekonomicheskiy potentsial Rossii: naslediye i sovremennost’: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Notes of the Branch of RSUH in Veliky Novgorod. Issue 8. Historical, Cultural

and Economic Potential of Russia: Heritage and Modernity: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Velikiy Novgorod, tipografiya "Vikont" Publ., 2010, pp. 218–224. (In Russian).

5. Galimova E.Sh. Severnyy tekst russkoy literatury: metodologiya issledovaniya [Northern Text of Russian Literature: Research Methodology]. *Galimova E.Sh., Loshakov A.G. (eds., comp.). Severnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa: monografiya* [The Northern Text as the Logos Form of the Existence of the Russian North].Vol. 1. Arkhangelsk, Imidzh-Press Publ., 2017, pp. 9–26. (In Russian).

6. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russian).

**(Monographs)**

7. Abashev V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature dvadtsatogo veka* [Perm as Text. Perm in the Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2000. (In Russian).

8. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPb Publ., 2001. (In Russian).

9. Lyusyy A.P. *Moskovskiy tekst: Tekstologicheskaya kontseptsiya russkoy kul'tury* ["Moscow Text": Textual Concept of Russian Culture]. Moscow, Veche; Russkiy impul's Publ., 2013. (In Russian).

**Бурцева Жанна Валерьевна**, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы. Научные интересы: локальные тексты, северная литература, русскоязычная литература, теория литературы.

E-mail: gvburtseva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0929-5186

**Zhanna V. Burtseva**, Institute for Humanities Research of the Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Scientific Researcher. Research interests: local texts, Northern literature, the Russian language literature, literary theory.

E-mail: gvburtseva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0929-5186